

Политические процессы

Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика

Подъячев Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН

E-mail: kirvik@bk.ru

Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика

Аннотация

С позиций современной политологии рассматривается развитие протестного движения в России в 2005-2011 гг. Автор обосновывает тезис о том, что при анализе протестного движения надлежит исходить не из численности участвующих в мероприятиях людей, а из частоты и распространённости акций, и показывает, что протестное движение в России было интенсивным и до массовых выступлений декабря 2011 г.

Ключевые слова: протест, массовые акции, гражданское общество, политические коммуникации, гражданское неповиновение

В последний год замечен явный интерес к российскому протестному движению. Этот интерес чётко прослеживается как в публичном дискурсе, так и в научных исследованиях. Несомненно, это вызвано бурными выступлениями граждан в декабре 2011 г. вскоре после выборов в Государственную Думу. У многих тогда возникло чувство внезапности этого протестного «взрыва», который, казалось бы, произошёл из ниоткуда. Явление неожиданного массового политического протеста уже получило название «феномена Болотной площади».

Хотя возникшее в декабре движение, принятое за «пробуждение гражданского общества», кажется совершенно внезапным и неожиданным, на самом деле это не так. Несмотря на появление ряда работ¹, в которых делались попытки политологического анализа современного российского протестного движения [см.: 1], целостную картину пока сформировать не удалось. На наш взгляд, ключевой ошибкой, допущенной политологами при исследовании российского протестного движения, является принятие за аксиому двух тезисов: о «пассивности» российского населения и о высоком протестном потенциале так называемого «креативного класса» в крупных городах. С нашей точки зрения, оба эти тезиса несостоятельны, что подтверждается эмпирическим материалом (это попыта-

¹ Например, работы С. В. Патрушева, К. М. Клемент, опубликованные в 2006-2011 гг.

емся показать ниже), и, опираясь на них как на аксиомы, невозможно дать удовлетворительный анализ протестного движения в РФ.

Один из главных принципов научного исследования заключается в том, что если в рамках наших теоретических построений не находится удовлетворительного объяснения какому-либо явлению, значит не явление «неправильно», но ошибочен теоретический концепт. Наша задача – понять, каковы же истоки «нового российского протеста», и затем уже попытаться сформулировать те общие принципы, которые позволят адекватно его интерпретировать и прогнозировать тенденции его дальнейшего развития.

Теоретические основания

Рассматривая вопрос о теоретических основаниях изучения российского протестного движения, нельзя пройти мимо проблемы политической методологии как таковой. Сегодня политическая наука, и прежде всего российская, оказалась в серьёзном кризисе, причины которого, на наш взгляд, заключаются в исчерпании исследовательских возможностей старой методологии [см.: 2]. По нашему мнению, на смену ей должна прийти новая, ставящая в центр изучения не борьбу элит за власть (т. е. возможность перераспределения ресурсов с помощью инструмента легального принуждения), а коммуникацию «политической» и «неполитической» сфер общества. Под первой предлагается понимать: государство в узком смысле (как совокупность законных институтов власти), а также политические партии, группы давления и другие структуры, так или иначе связанные с завоеванием и осуществлением политической власти, под второй – область частной жизни людей, преследующих свои личные (семейные) интересы.

Две эти сферы существуют одновременно и параллельно в рамках одного целого – социума, но при этом их функционирование основано на абсолютно различных принципах. Политическая сфера, как это заметил ещё Аристотель, ориентирована на общее благо [3, с. 35], которое удивительным образом не только не является простой суммой частных благ, но представляет собой нечто, в корне от них отличное.

Неполитическая сфера¹ ориентирована на разнородные частные блага, трудно совместимые друг с другом и объединяющиеся в некое групповое благо только случайным обра-

¹ Термин «неполитическая сфера» представляется весьма ущербным, поскольку он апофатически отталкивается всё же от «политики» и «власти», но термин «гражданское общество» не подходит, поскольку обозначает конкретный социокультурный феномен, и исходит из понятия «гражданин», применимого далеко не ко всем типам обществ. Возможно, правильнее было бы использовать термин «жизненный мир» (der Lebenswelt), введённый Ю. Хабермасом.

зом и на краткое время. Нормативным и аксиологическим центром политической сферы является власть, причём власть публичная. Для неполитической сферы ключевым понятием является интерес.

Соответственно, сама логика бытия этих сфер глубоко различна. Политическая сфера устроена вертикальным образом, она функционирует в логике иерархии, дисциплины, подчинения, ибо где нет подчинения, там нет власти, а где нет власти, там нет политики. Неполитическая же сфера действует в логике взаимодействия, компромисса, договора.

Таким образом, логики бытия двух этих сфер принципиально различны, едва ли не противоположны. А подобное различие логик приводит к тому, что коммуникация между этими сферами становится крайне затруднительной.

А ведь речь здесь идёт об идеальной модели, в которой не учитываются ни индивидуальные пороки составляющих политическую систему личностей (которые в реальности часто пользуются властью для достижения личных благ, а не системной цели общего блага), ни возможность подмены переговоров насилием.

Из этого следует один вывод: трудности в коммуникации и взаимодействии политической и неполитической подсистем социальной системы являются не временными и исторически обусловленными, но сущностными и непреодолимыми в рамках известного нам мира.

Вместе с тем очевидно, что политическое и неполитическое суть две части одного целого, которые не в состоянии существовать одна без другой, и они вынуждены не только сосуществовать рядом, но и как-то коммуницировать. Политическая сфера призвана регулировать деятельность неполитической, она даёт ей законы, суд, защиту от внешнего врага и от внутренних преступников. И ликвидировать государство не представляется возможным (все подобные попытки потерпели полный провал), более того, его значение в современном мире всё возрастает. А неполитическая сфера «кормит» политическую. Старинная метафора о голове и туловище вполне адекватно отражает суть их общения.

Коммуникация «политического» и «неполитического» на протяжении большей части истории цивилизации осуществлялась, как правило, в одностороннем порядке: «сверху вниз», от власти к обществу. Обратная связь была избирательной, в основном через посредство жалоб, обращений к властям [см.: 4, с. 69-78]. Никакая политическая система не может существовать без обратной связи с обществом. Никакой, даже самый закрытый режим не может устоять в социальном вакууме, вне всякой связи с населением. Но традиционная, «односторонняя» система предполагает, что «наверх» поступает только та информация, которая нужна в данный момент властному актору.

Трудности в коммуникации и взаимодействии политической и неполитической подсистем социальной системы являются не временными и исторически обусловленными, но сущностными и непреодолимыми в рамках известного нам мира.

Современная система сформировала ряд институтов, позволяющих осуществлять коммуникацию и «снизу вверх», причём, что важно, – не избирательно. В такой системе власть получает не только ту информацию, которая ей необходима, но и ту, которую граждане хотят до неё донести! Среди этих институтов можно назвать и традиционные обращения, и различные формы гражданского контроля и гражданской экспертизы: общественные советы, публичные слушания, специальные приёмные и многое иное. Однако наличие таких институтов, даже идеально функционирующих, создаёт другую трудность. Поскольку современное общество отнюдь не монолитно и содержит в себе множество различных социальных групп, притом различающихся по множеству признаков (социально-демографических, экономических, этнических, конфессиональных и субкультурных), поступающая от него в «политическую систему» информация оказывается подчас противоречивой, иногда взаимоисключающей. Возникает вопрос – какую информацию принимать и на какие требования отвечать? Такой вопрос встанет перед любой, самой «демократической» и «модерной» политической системой, и уйти от необходимости отвечать на него не удастся никак. В этом, на наш взгляд, и заключается основное противоречие современной политической реальности. Основным предметом политологии сегодня должно быть изучение коммуникации между политической системой и социумом, научный анализ её проблем и противоречий.

Если исходить из этой концепции, то протестное движение имеет две основных причины: либо существует противоречие между властью и обществом (или его частью), а действующие коммуникационные институты работают неэффективно; либо противоречие имеется в самом обществе, между его различными группами, а власти не в состоянии это противоречие разрешить.

Протестное движение, таким образом, можно рассматривать как форму гражданского участия, компенсирующую слабость коммуникационных институтов, и в этом смысле полезную для донесения до власти информации о проблемах граждан и для защиты поправленных прав. Как указывали американские политологи Д. Коэн и Э. Арато, «требования отдельных лиц по поводу соблюдения их основных прав останутся не услышанными, если они не будут поддержаны публичными дискуссиями, собраниями, и, во многих случаях, общественными движениями, практикующими гражданское неповиновение» [5, с. 506].

С другой стороны, протестное движение как выражение противоречий между различными группами общества может подчас быть крайне опасным, особенно если оно начинает принимать массовый характер и агрессивные формы. Недаром,

Протестное движение имеет две основных причины: либо существует противоречие между властью и обществом (или его частью), а действующие коммуникационные институты работают неэффективно; либо противоречие имеется в самом обществе, между его различными группами, а власти не в состоянии это противоречие разрешить.

несмотря на то, что равная для всех возможность участия является ключевой характеристикой демократии, Д. Сартори, Н. Луман, Р. Даль и многие другие теоретики полагали, что расширение участия превышает некоторую норму нежелательно, поскольку многие люди склонны к зависти, стремлению к отъёму чужой собственности и пр. Участие должно быть возможностью, де-юре доступной для всех, однако то, что многие ей не пользуются, есть не недостаток, но достоинство. Как отмечал Д. Гончаров, «политическая апатия значительной части избирателей, их отчуждённость от активного вовлечения в политический процесс может рассматриваться как определённая гарантия стабильной демократии» [6, с. 24]. Тем более это справедливо по отношению к протестному движению.

Таким образом, при анализе протестного движения надлежит исходить прежде всего не из численности участвующих в нём людей, но скорее из частоты и распространённости разного рода протестных акций. Частые протестные акции (вне зависимости от численности их участников) обозначают наличие в социальной системе определённых противоречий и показывают активных граждан, готовых так или иначе добиваться разрешения данных противоречий.

Наличие же большого количества участников может вызывать страх у властей, но далеко не всегда указывает на серьёзность проблемы, данной протестной акцией обозначаемой.

Ещё более важно обращать внимание на качественные характеристики протестов: социальный и партийный состав организаторов и участников, содержание требований и результаты акций.

Исходя из этих принципов, мы и попытаемся ниже на примере ряда протестных акций обозначить основные черты российского протестного движения и спрогнозировать возможные тенденции его дальнейшего развития.

Характеристика эмпирических данных

В октябре-ноябре 2011 г. (т. е. до массовых выступлений) нами было проанализировано около 200 сообщений о протестных выступлениях в регионах, размещённых на различных интернет-ресурсах или опубликованных в региональной прессе в 2005-2010 гг. Надо отметить, что репрезентативность этой выборки сомнительна, однако это единственное, что оказалось возможным использовать в качестве эмпирической базы. Специализированным мониторингом протестных движений в российских регионах, насколько мы можем судить, никто не занимался. А региональная печать или сайты общественных движений сообщают вовсе не обо всех протестных акциях, имевших место (это позволяет сделать предположение о том,

Протестное движение как выражение противоречий между различными группами общества может подчас быть крайне опасным, особенно если оно начинает принимать массовый характер и агрессивные формы. Недаром, несмотря на то, что равная для всех возможность участия является ключевой характеристикой демократии, Д. Сартори, Н. Луман, Р. Даль и многие другие теоретики полагали, что расширение участия превышает некоторую норму нежелательно, поскольку многие люди склонны к зависти, стремлению к отъёму чужой собственности и пр.

что в реальности протестных акций было больше и экстраполировать полученную нами информацию на всё протестное движение). Для того чтобы получить более полную картину, нужно проводить специальное исследование. Но, поскольку для принятого нами метода качественные характеристики имеют большее значение, чем количественные, даже собранных нами данных достаточно, чтобы сделать некоторые значимые для политологического анализа наблюдения.

Анализируя протестные выступления 2005-2007 гг. (т. е. до кризиса 2008 г.), мы опирались прежде всего на материал Д. Верхотурова [см.: 7], поскольку использованный им массив данных был собран тем же способом (мониторинг интернет-сайтов). Хотя Д. Верхотуров в своём анализе использовал обзор только за 2 месяца 2007 г. сделанные им наблюдения удивительно совпадали с нашими. Это подтверждает предположение, что, несмотря на скудость эмпирической базы и явную недостаточность сведений, публикуемых в открытых источниках, данные о протестной активности в течение приблизительно двух-трёх месяцев вполне можно экстраполировать на более длительные временные отрезки.

Протестные выступления 2008-2011 гг. анализировались на основании данных, собранных автором самостоятельно на сайтах общественных движений, политических партий, региональных СМИ и т. п. (всего около 40 сайтов).

Протестные акции россиян в 2005-2007 гг.

Первое, на что следует обратить внимание, это несоответствие реальности расхожего мифа об отсутствии протестов с 2005 г. (когда имели место массовые выступления против монетизации льгот) и до кризисного 2008 г. Полученные нами данные (хоть и на весьма ограниченном материале) его полностью опровергают. Так, Д. Верхотуров обнаружил только за сентябрь и октябрь 2007 (по мнению большинства, спокойного) года, упоминания в интернете о 160 протестных акциях, что полностью совпадает и с нашими наблюдениями. За весь 2007 г. по нашим данным, имело место не менее 1000 акций¹ (хотя для внимательного изучения мы выбрали только 30).

Вопреки расхожему мнению, именно после 2005 г. когда движение против монетизации льгот, во многом стихийное, сошло на нет, и начало оформляться относительно институционализованное протестное движение. Оформились общероссийские протестные движения: за права дольщиков в строительстве жилья, против строительства нефтепровода вдоль Байкала,

¹ Подчеркнём – это акции, только упомянутые в обнаруженных нами открытых источниках.

против запрета «праворульных» автомобилей, против разрушения исторических построек в городах и т. п. Некоторые из них приобрели и определённую институциональную организацию (например, движение автомобилистов), но большинство сохранило раздробленный характер. Это заключалось в том, что протестные движения, выдвигавшие схожие требования, как правило, не имели единого лидера и не координировались из единого центра. Пожалуй, только автомобилистам и защитникам Байкала удавалось договориться о координации проведения акций в различных регионах и их сопровождении протестными действиями другого рода (публикации в интернете и СМИ, коллективные и массовые индивидуальные обращения¹ в органы власти, судебные иски и т. п.). Но и в этом случае, судя по всему, можно говорить о возникновении постфактум неких договорённостей между региональными лидерами общественных движений: т. е. сначала были движения в регионах, а уже потом они договорились о совместных действиях на федеральном уровне.

В большинстве случаев акции были разовые и проводились в основном по выходным (хотя, по нашим наблюдениям, в летние месяцы, напротив, рабочие дни были более популярны – видимо потому, что летом по выходным граждане покидали города, и главная цель акции – привлечь внимание к проблеме – не достигалась).

Однако названные нами выше «оформленные» движения могли организовывать долгосрочные протестные кампании – с сериями уличных акций, сопровождавшихся публикациями в СМИ, потоками обращений граждан и т. п. Именно с 2006-2007 гг. вернулась такая форма долгосрочной протестной акции, как установка палаточных городков, применявшаяся в 1990-х.

Наиболее масштабными и хорошо организованными были акции в защиту окружающей среды (под которой мы имеем в виду не только природную, но и городскую среду). По подсчётам Д. Верхотурова, к ним относилось свыше 25% рассмотренных им акций. Примерно такой же оставалась их доля и в среднем в изучаемом нами периоде, что лишний раз подтверждает относительную репрезентативность базы, которой пользовался Д. Верхотуров.

¹ Коллективное обращение – письменное обращение в органы власти (как правило, на имя главы государства или одного из высших должностных лиц), подписанное одновременно несколькими гражданами (иногда очень большим числом); массовое индивидуальное обращение – поток однотипных обращений (с одинаковой направленностью, иногда и с дословным совпадением), направляемых гражданами только от своего имени. Вследствие особенностей делопроизводства в России, массовые обращения более эффективны, т. к. гораздо чаще отражаются в итоговых аналитических сводках («обобщённых обращениях»), которые докладывают высшему руководству [см.: 4, с. 105, 133 и далее].

Если рассматривать требования, выдвигавшиеся участниками акций, то можно видеть следующее. Требования закрытия экологически вредных производств были весьма редки. Почти все акции были направлены либо против строительства новых объектов, могущих повредить природной среде, либо против сноса построек, представлявших собой, по мнению протестующих, важный элемент городского ландшафта.

Так, например, помимо общенационального движения против строительства нефтепровода в опасной близости от Байкала, имел место ряд менее заметных акций в Ярославской, Костромской, Челябинской, Нижегородской, Волгоградской областях (против строительства экологически опасных объектов). В них участвовало в среднем около 500 чел.

Как отметил Д. Верхотуров, «...в этих акциях протеста наблюдается высокая доля долговременных и организованных протестных кампаний, когда граждане добиваются отмены решений. Упорство и длительность подобных протестов объясняется также и тем, что основную массу протестующих составляют люди с высоким уровнем образования, с хорошим доходом, что позволяет выделить время и силы для реализации протестных настроений в конкретные акции» [7].

Следующими по частоте были выступления в защиту обманутых дольщиков в жилищном строительстве или очередников на получение жилплощади. То есть это протест против прямых нарушений права граждан на жильё, закреплённого ст. 40 Конституции РФ. Хотя в одном случае виновниками нарушения выступали частные компании (собравшие с граждан деньги и не предоставившие обещанного жилья), в другом – местные власти, нарушающие обязательства по предоставлению жилплощади социально незащищённым гражданам, адресатом протестов оставались власти. В первом случае выдвигались требования наказать мошенников и добиться от них выполнения обязательств по предоставлению квартир, во втором – предоставления квартир требовали уже непосредственно от властей. При этом дольщики и очередники почти никогда не выступали единым фронтом. Обманутые дольщики, как оказалось, продемонстрировали большую правовую грамотность, т. к. сначала обращались в суды, органы прокуратуры, а первые свои акции проводили именно возле прокуратур или региональных УВД, поскольку требовали от властей не предоставить жильё как таковое, а заставить девелоперов выполнить свои обязательства. Однако неспособность властей решить возникшую проблему, постоянные отписки, отговорки и систематическое неисполнение судебных решений (почти в 100% случаев суды удовлетворяли иски дольщиков к девелоперам, но результата это не принесло) всё в большей степени радикализировали движение дольщиков, толкая их на более громкие акции. Так, дольщики разбивали палаточные городки

в Москве и Санкт-Петербурге (2006 и 2007 гг.); занимали недостроенные здания в Казани, Екатеринбурге, Волгограде, Краснодаре; проводили шествия (причём даже в тех случаях, когда они не были согласованы, на их силовой разгон власти не решались). Именно дольщики первыми из всех протестных движений занялись переговорами о совместных действиях, что в конечном счёте привело к образованию общероссийского общественного движения «Комитет пострадавших дольщиков: ЖЗЛ». Судя по всему, это первый в рассматриваемый нами период опыт перерождения стихийных и каузальных протестов на местах в общероссийское гражданское движение. Однако, как мы можем заметить, само это движение не утратило характера каузальности – оно требовало только одного: решения проблемы дольщиков, чтобы девелоперы-мошенники были наказаны, а люди получили оплаченные ими квартиры. Сила и мощь этого движения растут по мере того, как увеличивается количество обманутых дольщиков, но если властям удастся разрешить проблему, движение сходит на нет само собой. Так, в тех регионах, где дольщикам предоставили жильё (хотя бы временное), протестные акции быстро затихли.

Третий комплекс проблем, вызывающих протесты граждан, – трудовые конфликты. На них приходилось до 13% протестных выступлений. Как правило, они связаны с невыплатой заработной платы или малым размером оной. Однако такого рода протесты выражаются в забастовках, которые публичными акциями не сопровождаются и не выходят за ворота предприятий. Было отмечено только несколько случаев, когда помимо забастовок рабочие устраивали публичные акции: митинги и шествия. Причём наиболее масштабными были выступления, не связанные непосредственно с трудовыми спорами, а вызванные сменой собственника предприятия. Так, Д. Верхотуров указывает на движение рабочих ОАО «Тольяттиазот» против рейдерского захвата предприятия (когда они провели несколько крупных акций протеста против незаконной смены собственника) как на пример такого рода протеста [см.: 7].

Понятие «бытовые протесты» охватывает довольно широкий спектр проблем. Д. Верхотуров включает в них протесты против повышения цен на продовольствие, против реформы городского транспорта в ряде городов России (Казань, Красноярск, Петербург), низкого качества коммунальных услуг, самоуправления административных органов и т. п. Несмотря на то, что эти проблемы часто вызываются разными факторами и затрагивают различные категории граждан, у протестов такого рода есть важная общая черта. Насколько мы можем судить по изученным данным, такие протесты были абсолютно стихийными, то есть за ними вообще не стояла какая-либо институционализованная структура. Если институ-

ционально оформленное общественное движение и возникало, то только по итогам протестной акции (митинга, пикета) как результат договоренности её участников.

Важно отметить, что почти во всех рассмотренных нами случаях политические требования в ходе протестных акций звучали крайне редко, а участники демонстрировали готовность к диалогу с властью, требуя прежде всего переговоров с должностными лицами. В тех случаях, когда кто-нибудь из руководителей (губернатор, мэр, региональный прокурор) сам выходил на улицу и вступал в общение с протестующими, акция почти всегда довольно быстро сворачивалась.

Однако чаще власти предпочитали акции либо не замечать, либо создавать препятствия в их проведении. Самый популярный приём, используемый почти в 2/3 случаев, – организация на том же месте альтернативной про-властной акции – либо митинга «Единой России», либо просто массового гуляния – концерта, ярмарки и т. п.

Что касается собственно политических протестов, то они были крайне редки. Из 160 акций, рассмотренных Д. Верхотуровым, только 7 имели узко политическую направленность, причём все они были связаны с проведением выборов в региональный парламент. В конце 2007 г. количество политических акций увеличилось, так как прошли выборы в Госдуму и начались митинги и пикеты против нарушений на выборах. В течение декабря месяца их состоялось не менее пятидесяти в различных регионах страны, и большая их часть была организована КПРФ либо прошла при её участии. Примерно в это же время оформилось сотрудничество оппозиционных партий – прежде всего КПРФ, а затем и «Справедливой России» с каузальными протестными движениями. Так, в декабре 2007 г. на митинге в Черкесске наряду с требованиями пересмотра итогов голосования звучали протесты против задержки заработной платы работникам местных предприятий, неудовлетворительного качества услуг ЖКХ. В Горно-Алтайске на аналогичном «политическом» митинге КПРФ были замечены транспаранты «Нет – разрушению памятников Алтая», «Защитим родную природу» и т. п. [см.: 8] (то есть лозунги экологических движений, активно выступавших против строительства в заповедных землях Горного Алтая). Подобное сочетание политических (электоральных) и каузальных лозунгов имело место и ещё на целом ряде митингов КПРФ в декабре 2007 г. Часто эти требования отражались и в резолюциях митингов. Как распределены протестные акции по целям (требованиям), показано ниже на рис. 1.

Рис. 1. Классификация протестных акций 2007 г. по содержанию (приблизительный расчёт, %)

Протестные акции россиян в 2008-октябре 2011 гг.

Как это ни покажется удивительным, но кризис 2008 г., по нашим наблюдениям, не оказал существенного влияния на динамику протестной активности. Все тенденции, выявленные ранее, сохранились. Движение обманутых дольщиков в ряде регионов, где с проблемой так или иначе смогли справиться, сошло на нет, но где вопрос с предоставлением жилья так и не был решён, оно набрало большую силу и стало выходить уже на федеральный уровень, предъявляя требования к Правительству РФ.

Несколько участились случаи трудовых протестов, причём значительно чаще они стали «выноситься» за пределы предприятий. Это вполне объяснимо, поскольку кризис 2008 г. сильно ударил по многим предприятиям, которые начали сокращать кадры или снижать заработную плату, что в свою очередь вызывало протесты.

Существенной новацией 2008-2011 гг. стало оформление протестного движения предпринимателей. Как и движение дольщиков, оно началось со стихийных выступлений в регионах, к которым уже позднее подключились федеральные пред-

принимательские организации (например, «Опора»). Требования предпринимателей в основном сводились к снижению налоговой нагрузки и (в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Краснодаре) уменьшению ставок аренды городских помещений. Позднее стали звучать требования упрощения подключения к электро- и водоснабжению, пресечения государством рейдерства, защиты авторских прав и т. п. Характерно, что предпринимательские выступления с самого начала были лишены политического подтекста, и, в отличие от других протестных движений, их лидеры не шли на контакт с оппозиционными политическими партиями. Впрочем, последнее можно объяснить тем, что КПРФ и СР позиционируют себя как защитники трудящихся и противники «капиталистов», а непарламентские партии предприниматели не рассматривали как серьёзного союзника. Движение предпринимателей (хотя инициатива в нём, как и в иных протестных движениях, исходила снизу) довольно быстро оказалось в значительной части под контролем «Опоры» [см.: 9]. Впрочем, этому движению удалось добиться определённых уступок от властей: были снижены некоторые налоги, введена должность уполномоченного по правам предпринимателей (которым, кстати, стал лидер «Опоры»), учреждён День предпринимателя. Последняя мера носила, конечно, декоративный характер, но привела она к тому, что у предпринимательского движения появился официальный «день гнева». Так, первый же День предпринимателя в 2011 г. ознаменовался серией митингов и шествий в нескольких десятках российских городов (при этом с властями были согласованы митинги в 11 городах, среди которых Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Красноярск, Нижний Новгород). В других городах они проходили без согласования (однако данных об их пресечении нет, вероятно, разгонять предпринимателей в День предпринимателя никто не решился), а в ряде случаев проводились инновационные протестные акции вроде массового закрытия продовольственных магазинов 26 мая 2011 г. в нескольких городах (например, в Иркутской обл.) [см.: 9].

В этот период окончательно оформилось и укрепилось движение автомобилистов, которому удалось организовать ряд масштабных акций, отражавших специфику движения – автопробегов, массовых заездов и т. п. Иногда эти акции носили узко каузальный характер (например, выступления в защиту В. Щербинского – водителя, обвинённого в гибели губернатора Алтайского края М. Евдокимова), но в рассматриваемый период они стали проходить и с более общими требованиями: внесения изменений в законодательство, строительства дорог, снижения цен на топливо. Причём надо отметить, что в ряде случаев протестующим удалось добиться компромисса с властями (пожалуй, по этому показателю движение автомобилистов впереди прочих).

Вообще автомобилисты продемонстрировали высокую солидарность. Так, движение «Синие ведёрки», выступающее против чрезмерного количества используемых чиновниками автомобилей со спецсигналами, будучи актуальным только в Москве (здесь сосредоточено свыше 60% всех «мигалок» страны), было активно поддержано автомобилистами по всей стране. Несколько раз акции синхронно проходили в десяти и более городах РФ, хотя в каждой принимало участие не более ста человек.

В остальном рассматриваемый период можно охарактеризовать как период институционализации и укрепления протестного движения. При этом все тенденции, наметившиеся в предыдущий период, получили развитие.

Так, стало укрепляться взаимодействие протестных движений и политических партий. Политические партии на местах, прежде всего КПРФ, но так же и СР, а в ряде случаев – СПС и Яблоко (а иногда и все они вместе) принимали участие в протестных акциях граждан, носивших каузальный характер. Среди рассмотренных нами акций более чем в половине принимала участие КПРФ, хотя первоначальными инициаторами их были неполитические движения и просто инициативные граждане. При этом, как правило, представители партий не пытались выдвигать каких-либо политических требований, а просто выражали поддержку требованиям протестующих и демонстрировали партийную символику.

По-прежнему большинство движений носило каузальный характер, то есть они выдвигали конкретные требования и в случае их удовлетворения или достижения компромисса протесты прекращались. Например, что-то подобное произошло в 2010 г. с транспортным налогом и повышением цен на проезд в пригородных поездах. Так, «...повышение транспортного налога или цены билета на электричку мотивировалось необходимостью компенсировать затраты или заткнуть бюджетную дыру. Однако, видя протесты населения, государство моментально отказалось от повышения налогов и цен, быстро найдя другие источники доходов» [10]. По нашим наблюдениям, именно в это время имел место целый ряд митингов, пикетов и сугубо стихийных акций возле вокзалов с требованиями снижения цен на проезд. Однако в тех случаях, когда цены были снижены (пусть и не до первоначального уровня), протесты относительно быстро затухали.

Но движения более широкого проблемного охвата (экологическое, автомобильное, жилищное) продолжали набирать силу. Участие в их акциях политических партий придало им политическую окраску и вместе с тем вынудило власти относиться к ним с большим вниманием. Особенно большой резонанс получили массовые выступления граждан в Калининградской обл., приведшие в конечном счёте

2008-2011 гг. можно охарактеризовать как период институционализации и укрепления протестного движения. При этом все тенденции, наметившиеся в предыдущий период, получили развитие.

к отставке губернатора. Хотя первоначальным импульсом для них был опять-таки каузальный протест против отмены режима особой экономической зоны и закрытия рынков в Мамоново, Советске и Гвардейске, на которых жители области могли покупать качественную и недорогую продукцию.

Но, как мы можем судить по имеющимся данным, в большинстве случаев власти всё-таки уклонялись от диалога с протестующими. Как и в предшествующий период, силовой разгон применялся крайне редко (и в основном к «Маршам несогласных» в Москве и Санкт-Петербурге, имевших ярко выраженный политический характер). Региональные власти применяли опробованные ранее методы воспрепятствования проведению акций: место проведения под благовидным предлогом блокировалось, а полиция задерживала основных лидеров движений ещё на подходе. На основании изложенного можно сделать вывод, что готовность властей к переговорам в большинстве случаев ниже, чем у участников протестов.

Сами протесты продолжали вплоть до осени 2011 г. оставаться немногочисленными по количеству участников, но регулярными и весьма частыми. Это показывает, что ядро социально активных недовольных граждан вполне оформилось, но оно готово к диалогу с властями. Политизация и маргинализация каузальных протестных движений возможна прежде всего там, где власти уклоняются от диалога с недовольными, стремясь «замолчать» протесты или предотвратить их с помощью разного рода организационных ухищрений.

Основные выводы

Проведённое нами обзорное рассмотрение протестных акций 2006-2011 гг. основывалось, конечно, на достаточно скудной эмпирической базе, так как в открытых источниках содержатся упоминания далеко не обо всех протестных акциях, а имеющиеся упоминания в большинстве случаев крайне неполны (есть сообщение только о факте, но никаких данных ни о численности участников, ни об организаторах, ни об итогах акций). Однако соотнесение сделанных нами наблюдений с наблюдениями других исследователей (прежде всего Д. Верхотурова) позволило предположить, что экстраполяция полученных сведений по одним регионам и временным периодам на другие вполне допустима. И, таким образом, можно предложить некоторые выводы.

Можно утверждать, что тезис о «внезапном» возникновении протестного движения ошибочен. Не только до 2011 г. но и до кризисного 2008 г. протестные выступления имели место. Более того, частота их на протяжении изученного периода существенно не менялась.

Готовность властей к переговорам в большинстве случаев ниже, чем у участников протестов.

Сообщения о протестных акциях гораздо чаще поступали из регионов, чем из Москвы или Санкт-Петербурга (что опровергает гипотезу о повышенном протестном потенциале крупных городов).

Число участников протестных акций, как правило, было невелико – от 50 до 1000 чел. Но это никак не влияло на их частоту. Отсюда напрашивается вывод: протестовали немногие, но наиболее активные граждане.

Требования, выдвигаемые участниками акций, носили в основном не политический характер, а имели форму **конкретных претензий** к властям. Сами претензии можно разделить на два вида: либо это протест против каких-либо действий (например, приносящих вред окружающей среде – тогда главными организаторами протестных акций выступали структуры экологического движения), либо требования к органам власти о надлежащем исполнении их же собственных функций (например, социального обеспечения, строительства дорог, благоустройства городской среды и т. п.).

Протестные движения в большинстве случаев носили каузальный характер, то есть были привязаны к конкретной проблеме. Если проблему властям удавалось решить (как, например, в случае со строительством Северобайкальского участка транссибирского нефтепровода), то движение само собой сходило на нет. Однако там, где проблема не решалась, движение почти всегда сохранялось, невзирая на противодействие властей. С течением времени могла сокращаться численность участников, но отнюдь не активность. Наиболее социально активное ядро сохранялось и продолжало проводить протестные акции достаточно регулярно.

Что касается социального состава этого активного ядра, то это прежде всего образованные граждане с достаточно высоким доходом и при этом обладающие некоторым запасом свободного времени. Причём, в отличие от столичного «креативного класса», они заняты в сферах гораздо более близких к реальному сектору и потребителю (малый бизнес: торговля, бытовые услуги; образование; инженерная деятельность).

Выявлена специфическая роль «системных» политических партий: в большинстве случаев, не будучи инициаторами протестных акций (такowymi были общественные организации или просто инициативные граждане), они позднее присоединялись к ним, поддерживали их, придавая им, таким образом, политический характер. Так, почти половина (96) проанализированных нами выступлений была поддержана КПРФ, некоторые – Справедливой Россией, а иногда – даже несколькими оппозиционными партиями сразу, несмотря на все идеологические разногласия: в ряде акций одновременно участвовали представители КПРФ, СР и Яблока, при этом активно демонстрируя партийную символику. Вывод из этого напрашивается

следующий – политические партии в регионах вовсе не являются «карманной» оппозицией. Вероятно, используя протестный потенциал в целях привлечения к себе внимания, они всё более втягивались в протестное движение и становились одним из коммуникационных каналов, позволяющих недовольным гражданам легальным путём доносить свои требования до властей. Это особенно заметно в тех местах, где оппозиционные партии имели фракцию в региональном парламенте. В таких регионах имели место случаи, когда депутаты местных законодательных собраний, принимая участие в протестных акциях, даже предотвращали их силовой разгон. А позднее добивались официального рассмотрения депутатами требований протестующих, оформленных в виде резолюции митинга.

Отношение властей к протестным акциям также различно. Были выявлены случаи жёсткого противодействия (прямой разгон митинга, пикета – крайне редкое явление). В основном оно выражалось в создании препятствий в проведении акции (отказ в согласовании, спешная организация в том же месте митинга Единой России, ярмарки или дорожно-ремонтных работ). В некоторых случаях власти в лице мэра (губернатора) шли на диалог с протестующими, но это имело место скорее там, где существовал конфликт региональной власти с мэром столицы региона. Вероятно, одна из конфликтующих сторон стремилась использовать потенциал протеста против другой. Были и случаи игнорирования протестов, то есть их как бы не замечали. Однако чаще всего власти относились к протестным акциям довольно серьёзно, несмотря на их малочисленность. Систематическое замалчивание их скорее вызвано не равнодушием, а опасением нарушить картину социального благополучия в регионах. Региональные власти лучше политологов поняли: *200 активно недовольных куда опаснее для социальной стабильности, чем 200 тысяч пассивно довольных.*

Всё вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что «пробуждение гражданского общества», о котором столько говорят в последние месяцы, началось значительно раньше декабря 2011 г. Участвовали в этом «пробуждении» не многие, но зато весьма активные граждане. К тому же, в отличие от столичных «недовольных», ограничивающихся общими лозунгами, участники протестных акций в регионах почти всегда выдвигали конкретные требования и демонстрировали готовность к диалогу с властью.

Представляется, что главной причиной нарастания протестного потенциала стали вовсе не «нечестные выборы» (которые с формальной точки зрения были, по словам Д. Медведева, «самыми честными за всю историю»). На наш взгляд, главная проблема была в том, что легальные институты коммуникации государства и общества (политические партии, обще-

Выявлена специфическая роль «системных» политических партий: в большинстве случаев, не будучи инициаторами протестных акций (такими были общественные организации или просто инициативные граждане), они позднее присоединялись к ним, поддерживали их, придавая им, таким образом, политический характер.

Региональные власти лучше политологов поняли: 200 активно недовольных куда опаснее для социальной стабильности, чем 200 тысяч пассивно довольных.

ственные экспертизы, обращения граждан и т. п.) на протяжении 2000-х гг. работали неудовлетворительно. Наиболее активные граждане стремились донести свои требования до властей, вынудить их к диалогу (а вовсе не к капитуляции) с помощью протестных акций. Однако власти, игнорируя их или создавая препятствия в их проведении, сами уклонялись от диалога, вынуждая активистов включаться в более активную борьбу, носящую уже политический характер. Кстати, пример такого перерождения «конкретного» протеста в чисто политический мы видим на примере «Движения в защиту Химкинского леса».

Рискнём даже сделать предположение, что в тех регионах, где общественные палаты являются не фикцией, а реально действующими коммуникационными институтами (переговорными площадками), протестные акции происходят реже и не маргинализируются.

Говоря о дальнейших тенденциях развития протестного движения, можно предположить следующее: столичный «протест ради протеста» скорее всего пойдёт на убыль, что мы уже видим на примере осенних «Маршей миллионов». А зародившийся гораздо раньше «протест требований», напротив, будет становиться активнее. К чему это приведёт – зависит и от властей, и от оппозиции. Если власть будет по-прежнему игнорировать или пытаться подавить это движение, препятствовать протестным акциям, в том числе с использованием новейших поправок в административный кодекс, это приведёт к тому, что граждане чаще станут прибегать к помощи оппозиционных политических сил. Следовательно, протест в регионах политизируется в большей степени. Однако, если оппозиция не покажет способности служить коммуникационным каналом, с помощью которого можно решить конкретные проблемы, она также лишится опоры. Тогда протестное движение активных граждан маргинализируется. К каким последствиям это может привести, остаётся только догадываться, но это явно не пойдёт на пользу стране, так как разрушение и без того слабо работающих коммуникационных каналов окончательно уничтожит остатки доверия к государству.

Библиографический список

1. Клемент К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М.: Три квадрата, 2010.
2. Подъячев К. В. Политическая методология в контексте формирования «умной политики»: к вопросу о теоретических основах изучения взаимодействия общества и власти

Представляется, что главной причиной нарастания протестного потенциала стали вовсе не «нечестные выборы». Главная проблема была в том, что легальные институты коммуникации государства и общества (политические партии, общественные экспертизы, обращения граждан и т. п.) в 2000-е гг. работали неудовлетворительно.

- в РФ [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии (электрон. научн. журн.). 2010. № 1. URL: <http://www.vestnik.isras.ru>.
3. Аристотель. Политика. Афинская полития. – М.: Мысль, 1997.
 4. Подъячев К. В. Обращения граждан в органы власти и гражданское участие в России: взгляд политолога. – Saarbrucken, L. A. P. 2011. С. 69-78.
 5. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003. С. 506.
 6. Гончаров Д. В. Теория политического участия. – М.: Юристъ, 1997. С. 24-25.
 7. Верхотуров Д. Социальный протест в современной России [Электронный ресурс] // Золотой лев. 2007. № 131-132. Электронная версия. URL: http://www.zlev.ru/131/131_36.htm.
 8. Официальный сайт ЦК КПРФ. Архив. URL: http://www.kprf-org.ru/archiv/vestnik77/vestnik77_2.html.
 9. Бизнес против [Электронный ресурс] // Equipnet.ru – портал об оборудовании. URL: http://www.equipnet.ru/articles/other/other_810.html?template=82.
 10. Радько О. Протесты граждан России провоцируют чиновники [Электронный ресурс] // Сити-ньюс. Электронное издание. 12.02.10. URL: <http://www.city-n.ru/view/140567.html>.